

Хань Линь тоже растерялся. Невольно улыбнувшись, он спросил:

— Зачем ты меня ждешь? Нам же совсем не по пути.

— Покалечил мне ногу и думаешь просто так сбежать? — хмыкнул Линь Цзунцзе. — Я теперь одноногий, по-твоему, как мне домой добираться? И что это за компенсация ущерба такая — жалкая миска супа из свиных ножек?

Хань Линю оставалось только молча похлопать глазами.

Сун Чэн тут же поднялся с места с на редкость трагическим видом.

— Он прав, учебный староста, — поддакнул он. — Ты покалечил ногу Президенту, так что теперь просто обязан доставить его домой в целости и сохранности. Ладно, я со своей домашкой почти закончил, так что пойду, пожалуй.

Закидывая рюкзак на плечо, он отвесил Линь Цзунцзе глубокий, почтительный поклон. Во взгляде его читалась искренняя признательность:

«Президент, век не забуду твоего спасения! Оставляю на тебя важнейшую миссию — разузнать, что за девица закрутила роман с нашим учебным старостой».

— Вы двое часом не заговор против человечества планируете? — с подозрением спросил Хань Линь, глядя, как эти двое обмениваются красноречивыми взглядами прямо у него под носом, словно он был слепым.

Линь Цзунцзе лишь безразлично пожал плечами, всем видом показывая, что ничего подобного.

Впрочем, делал он это вовсе не ради сплетен. Ему действительно безумно хотелось, чтобы домой его проводил именно Хань Линь.

К концу вечерней самоподготовки на улицу опустилась глухая темень. И хотя тусклые желтые фонари вовсю горели, Линь Цзунцзе всерьез забеспокоился. А вдруг у Хань Линя плохое зрение? Или, чего доброго, тот решит отомстить и нарочно споткнется, похоронив под своим телом его вторую, пока еще здоровую ногу? Опасаясь столь трагического исхода, Цзунцзе наотрез отказался идти сам. Он заставил одноклассника перекинуть свою руку через его плечо и крепко обхватить себя за талию. Ковыляя и наваливаясь на Хань Линя всем весом, он шаг за шагом прыгал в сторону школьных ворот.

Сам калека от этих скачков ничуть не устал, зато Хань Линю пришлось несладко — от такой близости он чувствовал себя крайне неловко.

Наконец они выбрались к дороге и принялись ловить такси.

— Не проще ли позвонить отцу, чтобы он за тобой приехал? — вздохнул Хань Линь.

— Отец не дома, в командировке, — отмахнулся Линь Цзунцзе.

— Тогда маме.

— Она тоже уехала.

Хань Линь закатил глаза. Он был абсолютно уверен, что этот паршивец нагло врет. Но даже если и так, деваться было некуда. Ноги для спортсмена — это всё, его будущий хлеб. Рисковать его здоровьем Хань Линь не имел права.

Семья Линь Цзунцзе и впрямь лопалась от денег. Они жили в элитном коттеджном поселке, где у самых ворот дежурили вежливые сотрудники управляющей компании, готовые подбросить жителей до крыльца на юрком открытом электрокаре.

Хань Линь и опомниться не успел, как оказался в роскошной гостиной, залитой светом хрустальных люстр. Сжимая в ладонях чашку с горячим чаем, он растерянно наблюдал за суматохой: Старик Линь ураганом носился по этажам, наводя порядок в гостевой спальне, а его супруга всю хлопотала на кухне, соображая поздний ужин.

— Извините, я, пожалуй... — робко попытался подать голос Хань Линь, но его слова потонули в домашнем шуме.

Сам же виновник торжества, закинув загипсованную ногу на диван, развалился рядом точно барин. На лице его не читалось ни капли раскаяния за то, что он так бессовестно обманул своего спасителя.

— Учеба — дело тяжелое, верно? Погляди, как исхудал малец! — запричитала Старушка Линь, появляясь в гостиной с огромным блюдом спелых фруктов. — Угощайся, сынок. Днем купила прямо у дома, все свежее, из самого Таиланда привезли. Сладкие — пальчики оближешь!

Поставив нарезку перед гостем, она, не дав Хань Линю даже вставить слово благодарности, бесцеремонно опустилась рядом. Старушка Линь взяла его за руку и уставилась на него с таким благоговением, словно перед ней сидел не школьник, а как минимум нобелевский лауреат.

— Сразу видно — лучший ученик Провинциальной ключевой школы! — восхищенно выдохнула женщина. — Одно лицо чего стоит. Настоящий будущий академик!

Хань Линь окончательно лишился дара речи.

Линь Цзунцзе прыснул в кулак, едва сдерживая смех.

Запихнув в рот оторопевшему парню самый сочный кусок манго, Старушка Линь продолжила с прежним энтузиазмом:

— А вот наш охламон с детства умом не блещет. Помню, таблицу умножения несчастную неделями зазубрить не мог, и все равно умудрялся путаться...

— Мам, ну ты чего? — возмутился оскорбленный в лучших чувствах Линь Цзунцзе. — Кто тут таблицу умножения не знает?

— А ну цыц! — Мать запустила в сына крупным яблоком, которое с глухим стуком угодило тому прямо в лоб. — Я с Линь-Линем разговариваю, не смей перебивать! Марш к себе в комнату, уроки делать!

— Тетушка, — неловко вмешался Хань Линь, мягко перехватив руку женщины, которая уже замахивалась для нового удара. — Мне правда очень жаль. Линь Цзунцзе пострадал исключительно из-за моей неосторожности. Ему сегодня знатно досталось, пусть лучше идет отдыхать.

— Из-за твоей неосторожности? Да этот паразит наверняка сам подставился, чтобы тебя разжалобить! — вскипела мать. — Вечно шляется где попало, строит из себя героя боевиков, а как ногу ломает — так сразу на нашего Линь-Линя валит! Наш Линь-Линь — золотой ребенок, не то что ты, оболтус! Совсем страх потерял, шкура чешется?!

— Вот именно, ремня ему мало! — подхватил спустившийся со второго этажа Старик Линь. Даже не пытаясь разобраться в ситуации, он повел себя так, словно Хань Линь был его родным сыном, а Линь Цзунцзе — приبلудным хулиганом. Мужчина мигом сбросил тапочек и замахнулся на сына: — То, что Линь-Линь согласился сидеть с тобой за одной партой — это величайшее благословение, которое ты в прошлой жизни заслужил! А ты вместо того, чтобы пылинки с него сдвигать, еще и издеваешься? Явился, разлегся тут как барин! Живо встал и пошел готовить гостевую комнату!

— Простите... что? — Хань Линь окончательно растерялся. Каким образом его уход домой превратился в ночевку?

— Пусть Линь-Линь ложится в комнате Цзунцзе, — безапелляционно заявила Старушка Линь. — А этот обормот на диване перебьется. В гостевой сто лет никто не прибирался, там пылица столбом, да и постельное белье не мешало бы проветрить. Негоже гостю на таком спать.

— Золотые слова! — Отец Линь ласково увлек Хань Линя за собой. — Мы ведь живем на

отшибе, Хань Линь. Я бы и сам тебя отвез, да пригубил сегодня за ужином, за руль садиться боязно. Не переживай, я уже набрал твоему отцу и обо всем договорился. Так что располагайся и чувствуй себя как дома. Если что-то понадобится — только скажи, дядя с тетей расшибутся, но всё устроят.

Хань Линь безмолвно повиновался, не в силах противостоять этому семейному натиску.

Вот так, под влиянием сокрушительного гостеприимства семейства Линь, Хань Линь опомнился лишь тогда, когда сидел со своим школьным рюкзаком на роскошной двуспальной кровати в спальне Линь Цзунцзе.

Комната оказалась огромной, с собственной ванной. Перед уходом заботливая Старушка Линь успела всучить ему домашнюю пижаму своего сына.

Спальня располагалась на втором этаже, и оставалось только гадать, как Линь Цзунцзе со своим гипсом ухитрился вползти сюда по лестнице. Одноногий калека вошел даже без стука — просто нагло толкнул дверь и замер на пороге. Хань Линь в этот самый момент стягивал через голову футболку.

Оба замерли как вкопанные.

Ткань застряла у Хань Линя на уровне плеч, обнажив подтянутый живот, и он от неожиданности так и остался стоять со вскинутыми руками, забыв опустить одежду.

Линь Цзунцзе неловко кашлянул и поспешно отвел глаза в сторону.

— Э-э... слушай, у меня в шкафу есть еще один комплект, совсем новый, его возьми. А то, что у тебя в руках, я уже носил, постирать не успели.

Хань Линь опустил руки и поднес пижаму к лицу. Принюхался — пахло обычным стиральным порошком, ничего криминального. Однако стоило ему сделать это невинное движение, как Линь Цзунцзе словно током ударило. Глаза его округлились, щеки мгновенно залил густой румянец. С громким стуком захлопнув дверь, он с яростным грохотом попрыгал обратно вниз по ступеням.

Ошарашенный Хань Линь приоткрыл дверь и негромко бросил ему вслед:

— Эй, полегче! Не свались там!

От этих простых, сказанных на удивление мягко слов Линь Цзунцзе потерял покой на всю оставшуюся ночь.

Он ворочался на диване, не зная, куда деть тяжеленный гипс. Все тело горело так, словно его поджаривали на раскаленной сковороде, а мысли путались. Стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором с пугающей отчетливостью возникал Хань Линь: его лицо, взъерошенные волосы, полуобнаженный силуэт...

«А талия у него совсем тонкая...»

«Черт, да о чем я вообще думаю?!»

Линь Цзунцзе с размаху влепил себе звонкую пощечину. Гулкий хлопок эхом разнесся по притихшей гостиной. Уставившись широко раскрытыми глазами в темноту, он внезапно ощутил странную, щемящую пустоту где-то под ложечкой.

На следующее утро Хань Линь долго и озадаченно разглядывал за столом его опухшую щеку, прежде чем спросить:

— Ты ночью с инопланетянами воевал, что ли?

— Да не обращай внимания, он у нас с детства с придурью. Как найдет на него, так и себя поколотить горазд, — Старушка Линь одарила сына суровым взглядом, после чего расплылась в улыбке и повернулась к гостю. Она принялась заботливо наливать Хань Линю теплое молоко и чистить для него яйцо. Подобной нежности и ласки Линь Цзунцзе за все свои семнадцать лет от нее ни разу не видел.

В школу их повез семейный водитель. Стоило машине остановиться у ворот, как Хань Линь по привычке протянул руку, желая помочь однокласснику выбраться из салона. Однако Линь Цзунцзе при виде его ладони отпрянул назад столь резко, словно его ударило током.

Хань Линь недоуменно приподнял бровь, а тот принялся невнятно бормотать, отводя глаза:

— Да ладно тебе... Нога уже почти не ноет, я сам доковыляю.

— С поддержкой все же надежнее, — возразил Хань Линь.

— Не надо! Мы же не парень с девушкой... то есть не парни... Тьфу! Короче, в школе нечего обжиматься, люди не так поймут. Не трогай меня, я сам дойду.

Хань Линь неторопливо зашагал следом, глядя на его упрямую спину.

— Ты из-за чего-то злишься? — спросил он. — Из-за того, что твоя мама почистила яйцо мне, а не тебе?

— Нет.

— А из-за чего тогда? Может, из-за того, что я занял твою постель и надел твою пижаму?

— Да нет же!

— Тогда в чем дело? — Хань Линь задумчиво прижал палец к подбородку. — Больше вроде ничего такого не было. Неужели я еще как-то успел тебя задеть?

— Сказал же, все нормально! — Линь Цзунцзе резко затормозил и сорвался на крик, но тут же стушевался под его спокойным взглядом и добавил тише: — Это вообще не из-за тебя. Иди давай в класс, на самоподготовку опоздаешь. А мне нужно на стадион, к учителю по физподготовке.

С этими словами он развернулся и упрыгал прочь. Хань Линь долго смотрел ему вслед, пытаясь разгадать причины столь странного поведения. Будучи прирожденным аналитиком, он быстро выстроил в голове вполне логичную теорию:

«Этот придурок наверняка рос обделенным родительской лаской. Наверное, поэтому и стал прикидываться хулиганом — чтобы привлечь к себе хоть немного внимания. Вот только план провалился, а вчера его мама и папа проявили столько заботы к совершенно чужому человеку... Бедняга просто завидует. Вот его и перекосило».

«Да, точно. Все сходится».

Линь Цзунцзе, преодолев несколько метров, все же не выдержал и оглянулся. Увы, Хань Линя и след простыл — его хрупкий силуэт уже растворился в бурном потоке спешащих на занятия учеников.

«Ну конечно. Ему же нужно принимать домашку и готовиться к урокам. С чего бы ему тратить время на меня?»

На душе почему-то стало невыразимо тоскливо. Ведь Линь Цзунцзе уже мысленно успел отрепетировать целую речь на случай, если одноклассник бросится за ним вдогонку. Но Хань Линь даже не обернулся. И теперь он, взрослый парень, стоял посреди школьного двора и раскисал как девчонка.

Тренироваться из-за сломанной ноги он не мог, но и в класс возвращаться не хотелось. Устроившись на трибунах у самого края стадиона и зажав в зубах травинку, Линь Цзунцзе всерьез задумался, не сошел ли он с ума. Может, он слишком долго учится в мужском коллективе и просто отвык от девчонок, раз у него начинает сладко щемить в груди от одного взгляда на парня?

«Хотя, черт возьми, если сложить вместе всех девчонок из Девятого класса, они и близко не сравнятся по красоте с Хань Линем. Я просто повелся на смазливое личико, только и всего».

Сплюнув травинку, он достал мобильный, открыл список контактов и, выбрав имя бывшей подружки, которое показалось ему наиболее симпатичным, без лишних предисловий настроил сообщение:

[Давай сойдемся снова.]

Экран тут же мигнул, оповещая о мгновенном ответе. Линь Цзунцзе разблокировал телефон и прочитал:

[Пошел ты к черту!]

На душе у него не шевельнулось ни единой эмоции. С расставаниями у него всегда было сложно: обычно девушки не хотели его отпускать, а он упрямо рвал отношения в одностороннем порядке. Не успел он убрать телефон, как тот снова звякнул.

[Придурок, после уроков жду тебя у ворот Седьмой средней школы.]

<http://bllate.org/book/18229/1752254>